

Когда идет война, о риске не думаешь

Военный корреспондент во все времена — профессия особая, требующая не только высокого профессионализма, но и определенных человеческих качеств. “С “лейкой” и блокнотом, а то и с пулеметом” он всегда был там, где опасно. Люди, к сожалению, и в XXI веке не перестали воевать.

Репортер “Первого канала” Роман Бабаян принадлежит к славной когорте военных корреспондентов, хотя и готовился к другой специальности. Поскольку и в гуманитарных, и в технических предметах был одинаково силен, долго не мог решить, куда пойти учиться. В приемную комиссию Политехнического института документы за сына сдал отец, уж очень понравилась ему специальность “телевидение и радиовещание”. Если бы он тогда знал, что наступит времена, когда он своего сына будет видеть чаще по телевизору, чем дома, да еще из самых горячих точек, стороной бы обошел тот институт... После второго курса, несмотря на наличие военной кафедры, Бабаян забрали в армию.

— Избежать этого было нельзя?

— Тогда об этом не думали. Службы в армии не боялись. Я служил в Венгрии в группе Южных войск. Мы охраняли склады с ядерными боеголовками.

— Венгерский выучить успели?

— Очень сложный язык. Осилить всего несколько предложений. После армии вернулся, восстановился в институте, немного прочулся, и город Баку, в котором бок о бок

Р. Бабаян

уживались разные национальности, охватила вражда на национальной почве. Появились лозунги: “Армяне, убирайтесь вон!” У нас интернациональная семья: папа армянин, мама русская. Я знал, что в Московском институте связи есть моя специальность, поэтому мы все уехали в Москву. После института устроился на “Радио России” инженером на эфире. Мы обслуживали “Новости”, через три года стал корреспондентом службы новостей “Радио России”.

— Свой первый репортаж помните?

— Такое не забывается. 3 октября 1993 года я поехал на митинг на Октябрьскую площадь. Люди по Крымскому мосту хлынули на Зубовский бульвар. Я пошел вместе с ними. Удалось проскользнуть в Бе-

лый дом, передавал сообщения оттуда. Двое офицеров решили, что я шпион, арестовали меня, отняли телефон, диктофон, а документы отнесли пресс-секретарю Хасбулатова Константину Злобину. Пока он решал, что делать, эти двое изгалялись, как могли. Злобин приказал отпустить. Так, простояв сорок пять минут у стены с поднятыми руками, я был отпущен. Меня вывели через один подъезд, я зашел через другой и продолжал передавать сообщения.

— Как оценили ваш поступок?

— Меня наградили орденом Мужества. У меня появилась возможность сделать свою аналитическую программу. Она выходила по воскресеньям в десять часов вечера и называлась “Соседи. События недели в странах ближнего зарубе-

жья”. Потом мне предложили перейти в программу “Вести”. Те же новости, только телевизионные. Я проработал десять лет, а потом перешел на “Первый канал”. Мой начальник Александр Нехорошев говорил: “Человек, который приходит в новости, либо уходит сразу, либо остается в них навсегда”. Я остался, потому что считаю: новости — это самое интересное, что может быть, не важно, где ты ими занимаешься — на радио или на телевидении. Разница лишь в том, что слушателям ты должен словами нарисовать картинку, а для зрителей ты эту картинку комментируешь.

— Объясните, какая необходимость была послать в Ирак корреспондентов, которые не могли сделать ни шагу?

— Мы не имели возможности показывать реальные события с передовой, но даже в этом случае наше присутствие было необходимо. Да, я не мог выезжать за пределы Багдада, но я был очевидцем, на моих глазах разворачивались боевые действия. Я видел, как на другом берегу Тигра, в трехстах метрах, бомбили дворцы Хусейна. Да, на какое-то время я вынужден был превратиться в радиокорреспондента, но без этих сообщений был бы информационный вакуум.

— Вы как будто ищете опасности на свою голову. Неужели не бывает страшно?

— Бывает. Я же не бесчувственное существо. И в Белом доме стоять у стены под дулами Калашникова было страшно, и после Ирака появилась прядь седых волос, но я веду себя так, потому что по-другому не умею. Конечно, я понимаю, что есть риск для жизни, но здесь, сейчас, на моих глазах творится миро-

вая история, и все эти события потом войдут в учебники, по которым будут учиться мои сыновья. Я должен об этом рассказать.

— Создается ощущение, что вы настолько отчаянный человек, что даже если не будет военных действий, вы в них обязательно попадете.

— Так случилось, что в 96-м году, когда мы прилетели в Афганистан с гуманитарной помощью, талибы как раз взяли Кабул. Они повесили Наджибуллу и проводили “культурные казни”, сжигали телевизоры, магнитофоны, радиоаппаратуру. Как мы могли улететь? Конечно, мы остались. Жили где придется, ночевали в мазанках с моджахедами. Уходили из Кабула с последними отрядами Масуда. Дошли до туннеля Саланг, а там — танки генерала Достума, который воевал с Масудом. Мы оказались между двух огней. Назад нельзя — там талибы, вперед не пускают люди генерала. Наконец Масуд и Достум пошли на переговоры. Мы присутствовали при создании антиталибской коалиции. Вернулись в Кабул с наступающими войсками. Мне отснятый материал переправлять надо было. Вечером в Термез не пустили узбекские пограничники. Наутро выяснилось, что напрасно я спешил в Термез, там в перегоня пленки мне отказали. Перегнать удалось только из Душанбе. Неописуемое удивление было у моего руководства, они ждали материал о мирной миссии, а получили сообщение о военных действиях.

— Вы работаете в жанре репортажа, но мне кажется, что и другие, как сейчас говорят, форматы вам “по плечу”.

— Вы угадали. Хочу снять несколь-

ко фильмов: о гражданской войне в Испании, о советско-финской кампании, о Чан Кайши, про чилийский переворот. Шесть лет назад я был в Чили, встречался с Пиночетом. Кстати, это было первое интервью, которое он давал Российскому телевидению. Еще хочу сделать программу. “Международная панорама”, которая выходила на “Первом канале”, имела успех. Но сейчас зрители владеют расширенной информацией, удивить их труднее. Если представится возможность, постараюсь сделать программу, которая вызвала бы интерес.

— Аналитическая программа — дело непростое. Подобные передачи, как я заметила, создаются людьми, что называется, в возрасте...

— В одной американской компании был корреспондент, который освещал войну во Вьетнаме. Когда вернулся, руководство сделало его ведущим “Новостей”. У его выпусков были самые высокие рейтинги, поэтому как корреспондент он заслужил кредит доверия зрителей. Однажды, в день не очень удачный по информационному насыщению, он пришел в студию, поздоровался со зрителями, прочитал первую новость, а потом, глядя в камеру, сказал: “Извините, но сегодня новостей нет”, смахнул листки со стола и вышел. Его тут же отстранили от эфира, но когда на следующий день руководство получило таблицы рейтингов, то с удивлением обнаружило, что вчерашний выпуск побил все рекорды. Если у ведущего есть кредит доверия, возраст не имеет значения.

Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО